

АКИНФИЕВА Е. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АКИНФИЕВА Екатерина Михайловна, родилась в 1902. В 1919 — окончила школу, работала в детской колонии, одновременно училась в Ленинградском государственном университете, с 1923 — работала на заводе. По окончании университета работала геофизиком в ЦНИГРИ, активно занималась также общественной работой. В марте 1935 — выслана с родителями из Ленинграда в Уфу на 5 лет.

В мае 1935 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<29 мая 1935>

«Тов<арищ> Пешкова!

Прибегаю к Вам, так как не могу примириться с мыслью, что я выкинута из общественной жизни, из рядов сынов и дочерей СССР, что я вынуждена жить и общаться с людьми, с которыми я ничего не имею и не могу иметь общего, с людьми — пережитками прошлого; и так как не могу понять, что то, что случилось со мной, — справедливо, должно и целесообразно.

Пожалуйста, ознакомьтесь с моим делом по моему заявлению к прокурору СССР, кот<орое> я на днях отправила; окажите мне содействие в отмене высылки или помогите мне советом, — какие еще стороны моей жизни надо осветить, если они не достаточно явствуют из моего заявления.

Вся жизнь моя выросла из труда, пропитана им и непрерывно протекала в творческом труде. У меня нет мужа, детей, жизнь для меня — это творческий труд.

С 15-ти лет (с 1917 года) — я примкнула к общественной жизни в школе, занимала выборные должности, работала в совете старост. По окончании школы в 1919 г<оду> я поступила работать руководом в Детскую колонию на ст<анции> Левашево Финс<кой> ж<елезной> д<ороги>. Проработала я там недолго, так как хотелось умственно расти, учиться, и осенью 1920 г<ода> поступила в Лен<инградский> Гос<ударственный> Ун<иверси>тет, на подготовит<ельные> курсы. Годы студенческой учебы с 1920 г<ода> по январь 1923 г<ода> протекали в непрерывной работе и учении. И все тяжелые годы гражданской войны, шлепая в рваных, мокрых сапогах на лекции, с ломотой во всем теле после таскания досок, пилок и колки дров, питаюсь часто только одним хлебом и соленой воблой — я жила в тесной, дружной семье советских студентов. Это мы тогда улучшали, утепляли и чистили субботниками наше общежитие; там, где теперь спокойно может жить и учиться наша смена; это мы создавали тогда кружки физкультурные, языковедческие, научные — впитывая знания и культуру — в себя, как губки...

Старшие курсы требовали усиленных и углубленных занятий, появились производственные практики, можно стало работать на предприятиях. Я переехала из общежития на частную квартиру. Стала работать на заводе. Здесь получила я закалку и дисциплину труда. Затем перешла работать по своей специальности гравиметрии в Центр<альный> Научно-Иссл<едовательский> Геолого-Разв<едочный> Ин<ститу>т, где и проработала непрерывно 5 лет — геофизиком. Имею печатные труды в этой области. Работая в научной отрасли, я отдых свой находила в работе, в кружках, была я выделена (без отрыва от производства) на курсы инструкторов культуры при УДФФК и в Госстудию Музыкального Движения в Л<енингра>де, которые я и окончила. Первые в 1931 г<оду>, вторую в 1934 г<оду>. Приобретенные знания не лежали у меня мертвым капиталом, с ними я возвращалась обратно в общественную среду, налаживая и работая уже с новыми основами — так как за период моей

работы в ЦНИГРИ мною проведены были там следующие общественные работы: в 1930-31 г<одах> — секретарем производ<ственного> совещания Гравиметрического Кабинета, в 1931-32 г<одах> — Уполномоченным Социально-бытового Сектора Месткома ЦНИГРИ, в 1932-33 г<одах> — Физкультурноуполномоченн<ым> Геоф<изического> Сектора и уполном<оченным> секции плавания, в 1933-34 г<одах> — секретарем физкультурного Бюро ЦНИГРИ, секретарем НИТО Геофизической Ячейки, членом Областн<ого> Просмотр<ового> Пленума межсоюз<но>-худож<ественного> актива культмасс<ового> отдела, член Облпрофсовета, в 1934-35 г<одах> — Театральным уполномоченным Геоф<изического> Сектора.

Выслана я из Ленинграда из-за того, что к этому моменту имела общую площадь со стариками родит<елями>, кот<орых> я в 1934 г<оду> приютила у себя, сначала временно (живя за городом — отец поступил работать на завод), а потом они так и остались у меня. Но не могла же я отказать престарелым родителям, в то время 67-лет<ним> старикам (1864 и 1865 г<ода> рожд<ения>) — в крове и денежной помощи, так как, хотя отец и работал в то время на заводе "Химгаз", но, будучи стариком, недостаточно зарабатывал, чтобы прокормить себя и мать; и кроме того, они часто болели. Но эта помощь, кот<орую> я по законам СССР обязана была оказать престарелым родителям, — не может отнять у меня значение самостоятельного гражданина СССР, на который я честно и с любовью работаю с 15-ти лет.

Прошу Вас ответить мне, неужели, действительно, я должна быть среди высланных, и это не административная ошибка? Неужели вся моя жизнь не дает мне ни капли перевеса на чашку моих весов, и то, что мой отец несколько лет имел собственную типографию — является решающим, несмотря на то, что этому предшествовал у него тяжелый путь от мальчика-ученика до завед<ующего> отд<елом> типографии Яковлева и собств<енной> типографии, и что с момента революции он непрерывно работал кустарем-одиночкой без наемного труда, а последние 4 года на гос<ударственных> предприятиях? А я за то, что приютила стариков-родителей, — должна быть выкинута из семьи советских граждан?

Прошу Вас, разберите мое дело и дайте мне вернуться обратно в Советскую Семью Трудящихся, жить и работать среди них, для создания коммунист<ического> об<щест>ва.

При сем прилагаю копию моего заявления в прокуратуру СССР.

Мой адрес: г<ород> Уфа, Сам<аро>-Зл<атоустовской> жел<езной> дор<оги>, ст<анция> Уфа, Тимирязева, 19.

Е. Акинфиева.

29/V-1935 г<ода>»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1387. С. 39. Автограф.